

УДК 321.01

ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: СООТНОШЕНИЕ АВТОНОМНОГО И ГЕТЕРОНОМНОГО НАЧАЛ¹

М. А. Беляев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 мая 2018 г.

Аннотация: автор в данной статье конструирует систему условий, обеспечивающих эффективную правовую коммуникацию. В ходе исследования установлено, что политический суверен, если он учитывает автономную волю субъектов, вступающих в правовое общение, способствует качественному совершенствованию правового регулирования, чего почти никогда не бывает в противоположном случае. Принцип взаимного признания в правовом государстве – это единственное ограничение автономной воли и одновременно мотив институционализировать эту волю должным образом.

Ключевые слова: правовая система, автономия, норма, взаимное признание, легитимация, социальный порядок, правовое регулирование, гетерономия.

Abstract: the author in this article constructs a system of conditions that ensure effective legal communication. The study found that a political sovereign, only if he takes into account the autonomous will of the subjects entering into legal communication, contributes to a qualitative improvement of legal regulation. The principle of mutual recognition is the only restriction of the autonomous will acting in the legal life of society, and at the same time it is the cause for institutionalization this will.

Key words: legal system, autonomy, norm, legitimacy, mutual recognition, legitimation, social order, regulation by law, heteronomy.

Проблема, на обсуждение которой нацелена эта работа, состоит в следующем. С одной стороны, источник и адресат правовой нормы, как правило, не совпадают. Правда, нельзя с уверенностью сказать, что в этом могла бы состоять *differentia specifica* правового регулирования, потому что почти для всякого правила именно эта разница имеет место, а там, где она не важна для адресатов нормы, ее нет и в сущности². Но само различие двух сторон, предполагаемых в нормативном предписании, обладает информационной асимметрией и вследствие этого способствует реальному неравенству, так как стратегии поведения этих сторон, хоть и коррелятивны друг другу, но не равнозначны. В самом деле: я, как субъект права, всегда могу уяснить, какое конкретно требование адре-

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-011-00177).

² Так, модальная логика авторством конкретных модальностей не интересуется, поскольку из ее предмета вычеркнут и тот сильно сокращенный – по сравнению с реальным – субъект, которого знает, к примеру, эпистемология.

совано мне, а какое выходит за рамки моего актуального статуса (это ясно, к примеру, в налоговом праве, почти всегда ясно и в праве гражданском), аналогичное знание я могу иметь о своем контрагенте, а он, соответственно, обо мне. В то же время у меня нет ясного представления о нормирующей инстанции: я понимаю, что в качестве таковой выступает власть, носитель суверенитета, но такой субъект остается не до конца определенным³, как следствие, ускользающим и от осмысления, и от всевозможных способов призвать его в случае необходимости к ответственности. Не ясно, как он устроен: коллективно или индивидуально, сконцентрирован в одной точке или обладает многоуровневой протяженностью. Обычно находимые атрибуты власти (суверенность, публичность, всеобщность) нисколько не помогают мне в идентификации этого агента, вероятно, даже затрудняют подобного рода усилия. С другой же стороны, поскольку имеет смысл считать фундаментальным принципом права принцип формального равенства (и содержательно, и в качестве критерия демаркации права и иных нормативных систем), то нет никаких убедительных причин полагать, будто бы он не действует в поле правового общения (а где еще ему было бы уместно действовать?). Равенство же предполагает, что я проявляю в коммуникации такую степень определенности, которую ожидаю от второй стороны. Такая взаимная настройка коммуникантов друг на друга в идеале должна быть добровольной, поэтому определенность может возникать, возрастать или убывать, а равенство пребывает неизменным⁴.

Но тут возникают как минимум два осложнения: во-первых, моя определенность оказывается задана не мной самим, а системой предписаний и обезличенных статусов, причем личный выбор между этими статусами может быть весьма затруднен, и одного лишь желания сменить (модифицировать) идентичность оказывается недостаточно. Во-вторых, я – даже если открыт – лишен возможности требовать от суверена аналогичной открытости мне в коммуникации, более того, если речь идет всего лишь о моих робких надеждах на добрую его волю, то они также остаются несбыточными⁵. Следствие этих двух обстоятельств не менее показательным и

³ Система бюрократического управления устроена так, что издавать предписание может один орган, а отвечать по обязательствам, возникшим из причинения вреда, – другой. Или, например, можно видеть, что одна и та же ситуация контролируется и регулируется разными властвующими субъектами. В связи с этим простым гражданам иногда бывает невозможно обойтись без квалифицированной юридической помощи не только для того, чтобы верно составить жалобу (исковое заявление), но и для того, чтобы эту жалобу направить в нужную инстанцию.

⁴ Поэтому, видимо, академик РАН В. С. Нерсисянц назвал право «математикой свободы» [1] (впрочем, не менее удачными были бы и сходные метафоры, например, «математика социального» или что-то аналогичное).

⁵ Надежды не сбываются, поскольку власть семантически (равно как и стилистически) закрыта: молчание, отдаленность, скупость харизматического лидера на значимые слова, в публичных выступлениях, напротив, избыток общих фраз, никакой конкретики, самокритика максимально безопасного типа и пр.

драматично: если в обыденной ситуации межличностного и более-менее равного общения закрытость одного коммуниканта может снижать степень доверия к нему со стороны других или разрушать саму ситуацию вовлеченного участия многих в одно и то же смысловое пространство, то в политико-правовом поле всё иначе. Я не могу – опять-таки в силу дисциплинирующих практик управленческого аппарата и общего насильственного фона, сопровождающего издаваемые государством предписания – в ответ на непрозрачность суверена как субъекта заявить об утрате к нему всяческого доверия и демонстративно вести себя так, будто бы никакого значения правовой порядок и законность для меня больше не имеют. В непригодности и ошибочности такой стратегии я смогу убедиться очень и очень скоро. Но тогда на горизонте выявляется главная проблема: если я должен вести себя лишь так, как от меня ожидается в связи с наличием определенного порядка действий, то насколько это поведение может считаться именно моим личным, а не обобщенно-абстрактным поведением, в котором каждый может быть заменен другим? Ведь от меня ожидается, что я как бы раздвоюсь: одна моя часть имеет возможность сохранить в себе присутствие живого человеческого начала, вопрошающего и вечно ищущего (и имеющего в силу этого неотчуждаемую возможность разорвать псевдокоммуникацию), другая же образует вокруг себя жесткий контур из рамочных стереотипов, не предполагающих сомнения и вопросов. Одно только формальное равенство, таким образом, хоть и способствует коммуникативному успеху, но только при условии дискретности и жесткости восприятия «значимых других».

Здесь можно легко выйти из затруднения, правда, ценой этого выхода окажется частичная девальвация обсуждаемой тематики. Можно счесть нравственно приемлемым такой порядок отношений, сославшись на то, что: а) этот порядок лишь частично социализирует индивида, за его пределами может простираться поле иных возможностей, б) формальное равенство и апеллирует к формальной стороне субъекта, так что здесь нет противоречия и в) насилие всегда сопровождало власть, а в нынешнюю эпоху и то, и другое стремительно потеряло какой-либо внятный облик и стало анонимным. Иными словами, можно считать абстрактность отличительной чертой правовой коммуникации (если последнюю центрировать на политическом суверене), и не просто спецификой, но естественно возникающим свойством, к наличию которого стоит привыкнуть как можно быстрее. Существуют ведь некомфортные для человека условности, которые легче принять, нежели бежать от них: кому-то, например, приходится лечить свое тело, а врачебные манипуляции бывают подчас болезненными, но эта боль минимально необходима как составляющая лечения. То же и в сфере сознательного подчинения закону: да, он представляется нам сложным и лишённым смысла, а нас представляет расчетливыми и бездушными, но его отсутствие вносит в наше существование столько внешних помех и сумятицы, что в итоге в дисбалансе оказывается вся коммуникация, а не только та, стороной которой остается суверен.

В силу сказанного, решение полагать формальное равенство ключевым принципом права в силу формальности социально полезных взаимодействий по видимости снимает проблему неполноценной коммуникации. Но это решение – чисто интеллектуальное, оно осуществлено в процессе натурализации (или историзации) исходной проблемы, разум здесь пользуется некой «хитростью», он предлагает мысленный эксперимент, в котором предположительно существует возможный мир, лишенный законодательного регулирования⁶. Собственно, такое обоснование использовалось всякий раз, когда необходимо было доказать, что текущее политико-правовое состояние в обществе – наилучшее. Впервые мы встречаемся с этой фигурой аргументации у Гоббса⁷.

Однако интеллектуальной стороной духовное бытие личности не исчерпывается. Существует ведь еще и фактор воли. Воля человеческая своеобразна: она не знает ни историзма, ни детерминации, идущей из прошлого, тем более она не знает перспективного планирования. Ее жизнь есть дпящееся настоящее, сплошное «сейчас». И в этой сиюминутности момента возможно выделить только два состояния: автономность и гетерономность. Акт воли, как бы далеко он ни простирался во времени, осуществляется либо в силу принципов, принадлежащих самому волящему субъекту, либо кому-то иному. Здесь, как представляется, нет нужды делать пространные экскурсы в довольно сложные философские рассуждения Канта и Фихте на сей счет, однако вполне понятно, что разница собственного и навязанного закона (правила, алгоритма) действия для самого действующего лица опознается в актах рефлексии, предшествующих ориентированию в социальном мире или сопровождающих это ориентирование.

Автономия воли участника правового общения состоит в возможности входить в это общение и выходить из него, не руководствуясь никакими мотивами, кроме чисто коммуникативных. Позволю себе следующую аналогию. Интенсивное развитие средств автоматического интеллектуального поиска информации ведет к тому, что потребность спрашивать что-то конкретное у прохожих на улице (как добраться до такого-то места в городе) утрачивает насущность. Системы геолокации могут ответить мне на мой запрос гораздо точнее (и уж точно – гораздо быстрее), нежели случайно опрошенные жители. Таким образом, развитый технический сервис избавляет меня от необходимости каких-то личных интеракций

⁶ Надо отметить, что состояние аномии, впервые обозначенное Э. Дюркгеймом, отличается от «войны всех против всех», поскольку аномия предполагает деградацию, движение от порядка к беспорядку, и потому разговор об аномии в принципе реалистичен и подтверждаем иллюстрациями из общественной жизни (давней или современной), а тематика общественного договора есть одна сплошная условность и не более того, исторических коррелятов не имеющая.

⁷ В средневековой политической мысли таких доводов не может быть, поскольку вера не нуждается в мысленных экспериментах и прочем косвенном подкреплении, сама по себе связь власти небесной и власти земной очевидна, ибо подкреплена Писанием, а большего и не нужно.

(если бы я был социофобом, мне это представлялось бы благом). Но при этом я не выведен за их пределы благодаря технике, не изолирован от людей, хотя могу обеспечить себе временную изоляцию. Это лишь вопрос привычки, удобства, экономии времени и многих иных привходящих обстоятельств. Таким образом, когда есть альтернатива некой единой форме взаимодействия, мотивация субъекта продолжить общение становится, условно говоря, «более чистой», в ней оказывается меньше посторонних мотивов (например, многовариантность, как правило, не подкрепляет конформные способы поведения, порой даже и ослабляет их).

Некоторые современные исследователи справедливо связывают правовой порядок не с принуждающей силой (которая есть основной признак и гетерономности, и государственной машины), а с взаимным признанием как особой человеческой потребностью⁸. Суть взаимного признания состоит в следующем. Личность для ощущения себя полноценно живущей, для саморазвития объективно нуждается в других личностях, открытых навстречу диалогу, и эта нужда удовлетворяется по мере вступления в тот или иной диалог. Но в данном случае речь идет не просто об обмене репликами, диалог здесь – и место возникновения новых субъективно значимых образов, и способ их формирования. Соответственно тому, как растет моя значимость, я становлюсь способным уважать и ценить значимость других. Интересно то, что уровень взаимности может расти без каких-либо ограничений, что резко выделяет благо быть признанным другими среди иных благ, в особенности материальных⁹. Среди сопровождающих меня субъективных конструкций, опосредованных сознаниями других, рано или поздно возникают и юридические смыслообразы, которые в итоге образуют что-то вроде неформального правового статуса личности. Здесь действуют те же закономерности, что и повсюду: признанность лица предполагает рост сложности и разнообразия связей с иными носителями автономной воли, так что правомерное поведение всегда оказывает социализирующее воздействие на личность.

Но, как и всё в обществе, диалогические связи не являются необратимыми. Там, где субъект восходил на определенный уровень, может следовать и нисхождение, там, где возникало первичное совместное действие, эта структура может распадаться. Нужно отметить, что выход из коммуникации выглядит двояко: либо он случается в силу недостатка формально-правовых оснований продолжать общение, либо по причине самоизоляции субъекта. Стоит рассмотреть эти варианты подробнее.

⁸ За рубежом этому посвящены работы Р. Форста [2], П. Гейбела [3], А. Хоннета [4] и [5], в отечественной литературе эту точку зрения развивает А. В. Поляков [6, с. 70–85].

⁹ Материальные блага не могут бесконечно концентрироваться в одних руках, они ограничены в силу естественных условий человеческого существования на планете Земля, они требуют для своего перемещения внешних (технических) усилий, в то время как признание не подпадает под логику концентрации и распределения, оно не ограничено природными и техногенными факторами, и усилия для его распространения требуются совсем иного (духовного) рода.

Правовая система, если иметь в виду именно свод предписаний, никогда не бывает адекватна той жизни, которую стремится урегулировать. Норма складывается благодаря обобщенным представлениям («седиментациям смысла», как сказали бы социальные феноменологи) о множестве типичных действий, повторяемых образцов или паттернов. Законодатель может дифференцировать эти представления, в некоторой степени отменять их (не касаясь основополагающих принципов), но он не может предвидеть то, в каком направлении будет развиваться жизненный мир, дающий исток всем предписаниям. Поэтому отставание права от иных форм активности совершенно ожидаемо и логично: в этом смысле право одинаково запаздывает по отношению как к политике, так и к экономике. Если же складывается ситуация, в которой значение того или иного действия осознано участниками общения как способствующее взаимному признанию, но смысл этого действия еще не переведен нормотворческой инстанцией в режим формального предписания, сами стороны вырабатывают для себя какие-то правила, которые, очевидно, следует причислять к саморегулированию. Они начинают пользоваться этими правилами (либо сознавая их срочный характер, либо намеренно придавая им бессрочный статус), и именно автономия воли отвечает за их исполнение. Это – случай неправового регулирования, которое, в принципе, может в дальнейшем способствовать модификации законодательства, но может и оставаться в дальнейшем как нечто необъективированное в тексте. В любом случае незаконное здесь не равно неправовому, поскольку идеал взаимного признания остается ненарушенным, а формальное равенство так или иначе способствует его осуществлению.

Иной выход за пределы права состоит, как это хорошо описано в немецкой классической философии, в нарушении уже установленных (доброй волей) связей между лицами, так что в итоге нарушитель должен быть подвергнут определенным мерам воздействия, которые направлены как на воспитание его самого, так и на предупреждение всем иным лицам о том, что данный образец поведения маркирован строго отрицательно. Дискурс о том, почему противоправное поведение действительно считается негативным (явно не в силу одного только закрепления в тексте уголовного кодекса), обычно упирается в тезис о социальной опасности, т. е. деструктивном характере конкретного действия, в силу чего соответствующий актер должен быть изолирован, а само действие прекращено, и вред, им причиненный, должен быть восстановлен. Если переформулировать этот разговор в терминах кантовской этики, то можно сказать, что нарушитель в данном случае осознанно вывел себя за пределы правового поля, внутренне согласившись с тем, что должен быть за это наказан. Насчет согласия, конечно, можно полемизировать, но это для целей работы не имеет значения. Мы в ходе рассуждения лишь убеждаемся, что незаконное в описанной ситуации равно неправовому, так как взаимное признание здесь исключено, и формальное равенство способствует тому, что это исключение обуславливается не

ситуативно возникшими факторами, а самим существом происходящего (другое дело, что граница между значащими и незначимыми с точки зрения законодателя обстоятельствами смещается с течением времени).

Впрочем, понятно и то, что абсолютной автономии воли (на метафизическом уровне) представить себе нельзя, для этого субъект должен либо полностью выпасть из многообразия отношений, образующих социальную систему, либо исключительным образом возвышаться над ней, конвертируя тем самым автономию своих адресатов в гетерономию. Первый вариант означает, что субъекта не существует как системы (изоляция тождественна небытию), второй – что системы не существует как субъекта (тот, кто должен в идеале быть сам себе сувереном, берет на себя несвойственную миссию господствовать над порядком в целом). Таким образом, продуктивно действовать может только воля, исходящая из собственного закона, но одновременно и ограниченная в многообразии решений, предлагаемых участникам коммуникации.

Любопытно следующее: с интеллектуальной точки зрения подобное решение не может считаться приемлемым, поскольку, если я что-то себе разрешаю, а что-то запрещаю, то не ясно, в какой мере этот запрет всё еще лежит в области моих собственных решений, ибо мне не известен критерий, по которому можно эти решения различать. Если же я гипотетически установлю достаточно общий (абстрактный) критерий, каким, например, является непричинение вреда другим при удовлетворении своих интересов, здесь возникнет проблема другого рода. Понятно, что с позиции личности, входящей в коммуникацию не интеллектуально (а ведь интеллектуальность пресекает творческие порывы, в то время как взаимное признание созидается в буквальном смысле *ex nihilo*), никакой нормализации взаимодействия абстрактность не обеспечивает. Запрет вредить другим, налагаемый на себя, вряд ли может считаться реалистичным: я, как правило, могу только приблизительно представить себе круг этих субъектов, и уж точно, если буду всякий раз вычислять, кому и в какой степени может помешать мой поступок, мне никогда не совершить ничего мало-мальски полезного для себя и, возможно, для других. Такого рода запреты могут беспрепятственно существовать только в относительно однородном обществе (если эта однородность обеспечена идеологически, например, строгой религиозной маркировкой «своих» и «чужих»), либо в обществе, где царит отчуждение человека от человека. Но в последнем случае (а он, кстати, на руку власти) личность часто выходит за пределы всех допустимых рамок и ограничений только ради того, чтобы испытать порядок на прочность и ощутить, где заканчивается симулятивное и начинается действительное. Отсюда и повышенный уровень агрессии, явно коррелирующий с уровнем отчуждения. Уместным будет вспомнить, что по этому поводу писала Ханна Арендт: «Если, в соответствии с традиционной политической мыслью, мы определяем тиранию как правительство (*government*), которое никому не подотчетно, то господство Никого (*rule*), очевидно, оказывается самым тираническим из всех, поскольку при нем не остается ни одного человека, у которого

можно было бы хотя бы потребовать ответа за содеянное¹⁰. Именно такое положение дел, когда невозможно локализовать ответственность и идентифицировать врага, – одна из самых существенных причин современных бунтов и беспорядков по всему миру, их хаотичной природы и их опасной тенденции выходить из-под контроля и становиться бессмысленно агрессивными» [7, с. 45].

Действительно, неопределенность может оказывать не менее разрушительное воздействие на личность, чем, например, изоляция (как сенсорная, так и информационная). Личность, в свою очередь, переносит переживаемый негативный опыт на то место, в котором пребывает. Данная негативность, как представляется, устранима благодаря совместному действию интеллектуальных и волевых способностей, причем не только индивидуальных, но и групповых. Но какие отсюда можно извлечь выводы в перспективе проблемы, поставленной выше?

Во-первых, коль скоро субъект вступает в уже сложившуюся ситуацию общения, он делает ее для себя определенной, проясняя внешние обстоятельства, тем самым проясняет и свое внутреннее (мировоззрение как таковое, ценности, ожидания, установки, когнитивные диссонансы и пр.). Это безотчетное, но сильное стремление к ясности и руководит субъектом, пока он сохраняет свое место в коммуникативном пространстве. Поэтому автономия его может быть в полной мере оправдана указанным стремлением. Во-вторых, стоит принять как постулат, что публичная власть не имеет морального обязательства ликвидировать неопределенность абстрактных социальных связей собственными силами, но способна оказывать содействие лицам, желающим обустроить каналы обратной информационной связи (идущие от адресата правовой нормы к ее автору-распространителю) и развить практики самоуправления.

Из сказанного следует, что необходимым ограничением и одновременно инструментом автономной воли в правовом взаимодействии выступает как раз-таки ориентация на взаимное признание. Субъект как бы спрашивает себя: «Сможет ли другой понять и принять предлагаемую мной логику взаимодействия, если осознает, какое именно место ему предназначено в моем представлении об этом взаимодействии? – и если не сможет принять, как я смогу (если смогу вообще) превратить его ответную реакцию в то, что будет максимально полезно нам обоим?». Давая себе ответ на эти вопросы, участник правового общения уже готовит для своей воли некое законосообразное ограничение, осмысливая при этом спектр возможных действий относительно определенной ситуации.

¹⁰ Под господством Никого Арендт понимает бюрократическую форму управления (в модели Вебера), ответственность за принятые решения в которой нельзя приписать ни одному, ни избранному кругу лиц, ни большинству именно в силу того, что там действуют не личности, а функциональные места (служебные должности), временно занимаемые кем-то. И поскольку смена исполнителей ничем объективным в отношении своей динамики не мотивирована, реальными и значимыми остаются именно должности, а не личности. Но должность нельзя призвать к ответу.

Конечно, важным здесь является то, в каком качестве в такую сеть ожиданий и предвосхищений вплетается политический суверен. С одной стороны, как и было уже сказано, его определенность ограничена неустранимой скрытностью, анонимностью власти (она здесь – субстанция, а не функция), поэтому никакого нормирования ситуаций признания со стороны аппарата управления ожидать не стоит¹¹. С другой стороны, отстраненность государства от коммуникаций, то и дело выходящих за пределы правового поля, вряд ли разумна и целесообразна. Государство в этой самовозрастающей правовой системе необходимо – но только в строго определенной роли. Как было показано выше, дифференциация незаконного как правомерного и незаконного как неправомерного эффективнее всего осуществляется тем агентом, который легитимно производит это различие на уровне формально равном для всех, а это и есть законодатель. Предназначение государства в недалеком будущем (я говорю здесь, конечно, о наиболее развитых в политическом отношении странах) заключается в том, чтобы предоставлять максимальное количество возможностей для негосударственного правотворчества. Это предполагает и «вращивание» самоуправляющихся агентов (впрочем, косвенное, а не директивное), и постоянную политику дерегуляции, целью которой является сокращение официального массива нормативных правовых актов, и обеспечение дальнейшей открытости национального права международным влияниям (что, конечно, не предполагает их априорной благовторности, но вопросы аргументированной селекции и исключения здесь также должны стоять на повестке дня).

Закончить свои рассуждения я хотел бы большой цитатой из французского художественного критика и куратора Николя Буррио: «Наша эпоха не страдает от отсутствия политического проекта, но ждет форм, способных его воплотить, позволить ему материализоваться. Ведь смысл продуцируется или моделируется формой, которая задает ему направление, заставляет его откликнуться в повседневной жизни. Революционная культура создала или популяризировала несколько типов социальности: собрание (совет, митинг), демонстрация и ее разновидности, сидячая демонстрация, забастовка с ее визуальными атрибутами (транспаранты, листовки, организация пространства и т. д.). Наша культура осваивает ресурсы останковки: парализующие забастовки, ... выставки, демонстрируемые в течение одного дня и размонтируемые после вернисажа; компьютерные вирусы, одновременно блокирующие тысячи устройств... Основным источником политической действенности

¹¹ Кант в трактате «К вечному миру» обращает внимание на то, что дозволение как вид норм – чрезвычайно странный и подозрительный феномен, которому едва ли найдется место в разумно устроенном политическом общении. Аргумент философа очень простой: пока субъекты недостаточно автономны (эволюционно «не выросли», проще говоря), им нужны только запреты и повеления, а когда они уже в достаточной степени автономны, ни о каких позволениях со стороны государства не может быть речи, поскольку зрелый субъект сам себе способен разрешить всё то, что подпадает в область его моральной ответственности.

является в наше время застопоривание механизмов, стоп-кадр» [8, с. 92]. Эти справедливые слова указывают на важный момент в современной политико-правовой коммуникации: когда она не развита, формы участия граждан остаются пассивными, хотя и сложно устроенными, нетривиальными, креативными по содержанию и т. д. По мере же развития какие-то новые формы получают шанс обрести в обществе легитимность и превратиться в каналы, ограничивающие, но одновременно и социализирующие автономную волю личности. Гетерономное начало, таким образом, перерастает само себя естественным путем, путем активизации культурно присущей человеку потребности во взаимном признании. На долю исследователей остается здесь разработка неких переходных условий или, может быть, запуск переходных процессов, обеспечивающих рост взаимного признания в правовой сфере социальной жизни. Задача эта сложна и интересна, а результат ее, хоть и не является в желаемой степени предсказуемым, остается всё же весьма ценным – в том числе и как ориентир для развивающихся институций гражданского общества (о дефиците которого в нашей стране говорят особенно часто).

Литература

1. *Нерсесянц В. С.* Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы / В. С. Нерсесянц. – М. : Юристъ, 1996.
2. *Forst Rainer.* Toleranz und Anerkennung / Christian Augustin, Johannes Wienand, Christiane Winkler (Hg.), Religiöser Pluralismus und Toleranz in Europa. – Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften, 2006.
3. *Gabel Piter.* The desire of mutual recognition. Social movements and the dissolution of the false Self / Piter Gabel. – Routledge, 2018.
4. *Honneth Axel.* Kampf um Anerkennung : Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte / Axel Honneth. – Suhrkamp, Frankfurt am Main, 1992.
5. *Honneth Axel.* Anerkennung und moralische Verpflichtung / Axel Honneth // Zeitschrift für philosophische Forschung. – 1997. – Band 51, I.
6. *Поляков А. В.* Признание права и принцип формального равенства / А. В. Поляков // Принцип формального равенства и взаимное признание права. – М. : Проспект, 2016.
7. *Арендт Х.* О насилии / Х. Арендт ; пер. с англ. Г. М. Дашевского. – М. : Новое издательство, 2014.
8. *Буррио Н.* Реляционная эстетика : постпродукция / Н. Буррио. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.

Воронежский государственный университет

Беляев М. А., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

E-mail: jurist84@inbox.ru

Тел.: 8-904-212-72-98

Voronezh State University

Belyaev M. A., PhD, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: jurist84@inbox.ru

Tel.: 8-904-212-72-98